ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ41
А 876

Н. Аскольдовъ

ПРАВДА О НИКОЛАѢ РОМАНОВѢ

ИЗДАНО БЕЗЪ ЦЕНЗУРЫ.

Библіотека Революціи 1917 года
„СВОБОДНАЯ РОССІЯ".

ГИЧ1
А 876

Н. Аскольдовъ.

ПРАВДА
О
НИКОЛАѢ РОМАНОВѢ.

Акц. О-во „МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО".

ГИ41
А 876 Р

ИЗДАНО БЕЗЪ ЦЕНЗУРЫ

Библіотека Революціи 1917 года
„СВОБОДНАЯ РОССІЯ“.

Н. Аскольдовъ.

ПРАВДА
О
НИКОЛАѢ РОМАНОВѢ.

Акц. О-ва „МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО“.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИЧ1
А 876 Р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА

69102 У

I.

Одно изъ самыхъ нелѣпыхъ явленій міра—подчиненіе милліонныхъ человѣческихъ жизней одной маленькой и слабой человѣческой волѣ. Россія до «вчерашняго» дня русской революціи представляла собой ту смутную и пеструю фантастическую сказку, напоминающую легенды о восточной деспотіи, въ которой многомилліонный народъ движется какъ въ гипнотическомъ трансѣ по узкимъ колеямъ, проложеннымъ чужой повелѣвающей безсмысленной волей.

Что совершилось?... Вѣковой гипнозъ рухнулъ, и Россія кошмарнаго слѣпого послушанія, тупой рабьей пассивности, Россія Держиморъ и урядниковъ, губернаторовъ и охранниковъ стряхнула чары рокового гипноза. Въ Россіи пробуждается свободное волевое самосознаніе, наступаетъ утро, бдѣніе; спящій русскій человѣкъ пробуждается къ свободнымъ и сознательнымъ движеніямъ, управляемымъ собственной волей, разумѣніемъ и совѣстью. Расковывается огромное и драгоцѣнное достояніе духовной внутренней энергіи, которой особенно богата своеобразная психика русскаго человѣка. И невольно съ радостно-тревожнымъ волненіемъ думаешь о тѣхъ жизненныхъ возможностяхъ, которыми должна подарить насъ новая жизнь въ ея каждомъ будущемъ днѣ.

Изъ заповѣдной чистой глубины нашего внутренняго быта должны теперь — въ свѣжемъ и ясномъ воздухѣ народоправства и свободы—выйти всѣ тѣ, кто раньше уступалъ первое мѣсто наиболѣе приспособляющимся и ловкимъ, кто таился въ тишинѣ и кто теперь по праву свободной энергіи духа выйдетъ и тѣмъ самымъ отодвинетъ всѣхъ непризванныхъ, всѣхъ самозванныхъ, всѣхъ корыстныхъ и подвигаемыхъ «шкурными» идеями.

Въ преддверіи новой жизни, едва отойдя отъ кроваваго порога старой, невольно обращаешь взглядъ въ ту фантастику прошлаго, въ ту пеструю восточную сказку русскаго царизма, русской деспотіи, въ которой послѣдніе двадцать три года игралъ центральную роль человѣкъ пассивной и вялой воли, сосредоточившій въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всю сущность этого чудовищнаго гипнотическаго подчиненія свободныхъ человѣческихъ массъ слѣпой и жалкой волѣ маленькаго и безпомощнаго человѣка.

Россія огромныхъ творческихъ возможностей, Россія дивныхъ духовно-революціонныхъ взрывовъ, Россія пророковъ и вождей—и Николай 2-й, «слабымъ мановеніемъ руки» правящій этой Россіей посредствомъ жандармовъ, охранниковъ, Держимордъ, палачей, всей продажной сволочи, сплотившейся вокругъ трона въ цѣляхъ подачекъ и милостей.

Какъ чудовищна фантастическая иронія дьявола, играющаго иллюзіями и высшими чаяніями человѣчества! Мы лишь въ блаженномъ снѣ смѣемъ мечтать о томъ свободномъ и восторженномъ подчиненіи необозримыхъ людскихъ массъ какой-либо одухотворенной могучей волѣ вождя и пророка, который поведетъ свободные умы и души въ обѣтованную землю гармоніи и высшаго напряженнаго жизненнаго дѣйствованія.

А подчиненіе милліоннаго народа жалкой и дряблой волѣ царственнаго неврастеника, человѣка съ пустой и дряблой душой и ограниченнымъ мертвымъ сознаніемъ, это—живая непосредственная реальность, которая въ продолженіе столькихъ лѣтъ никому не казалась фантастической, невозможной, чудовищной.

Не потому ли революція всегда казалась какимъ-то дѣйствіемъ могучаго и добраго волшебника, который не только «открываетъ житницы» и сметаетъ прихвостней и палачей деспотіи, но прежде всего расковываетъ тотъ таинственный очагъ прекрасной человѣческой энергіи духа, которая приближаетъ человѣка къ Богу и даетъ ему обѣтованія наивысшихъ и чудесныхъ возможностей.

Стоя въ этихъ воротахъ революціи, разбитыхъ побѣдоноснымъ натискомъ одушевленной свободой толпы, глядя въ открывшійся свѣтлый просвѣтъ дали, хочешь пытать будущее не о свободѣ зла, а о свободѣ добра. Ибо зло — ограничено, узко и въ предѣлахъ своихъ душно, а добро безпредѣльно и обѣщаетъ пути и дали духъ захватывающихъ возможностей и свершеній.

Быть можетъ, немало поучительнымъ будетъ для насъ въ преддверіи свободы жизненной всмотрѣться въ свое недавнее прошлое, олицетворяемое символической фигурой Николая 2-го, являющаго образъ нашей пассивности, воочію приближающаго нашъ гипнотическій кошмарный сонъ. Что же это такое?... Кто былъ онъ, чей тронъ высился какъ фантастическое зданіе деспотіи и неволи, поддерживаемое не за страхъ и не за совѣсть, а за власть и золото.

II.

Старшій сынъ того Калибана самодержавія, который изваянъ Трубецкимъ во всей мощи самодержавнаго калибанизма, Николай 2-й являлъ собой поразительный примѣръ угасанія абсолютистскаго царскаго сознанія.

Въ этомъ смыслѣ Николай 2-й вообще является исключеніемъ во всей галлереѣ русскихъ деспотовъ и властителей.

Начиная отъ собирателя державы россійской Ивана 3-го и включая Грознаго, Петра, Екатерину, Павла, Николая, обоихъ Александровъ и даже тишайшихъ Михаила и Алексѣя, — ни у кого не видимъ такого явственнаго и какъ бы вѣщаго пониженія духа абсолютизма, державнаго самосознанія и самочувствія, какъ у Николая 2-го.

Въ его резолюціяхъ, рѣчахъ, манерѣ, во всемъ тонѣ дѣйствій и проявленій нѣтъ той болѣе или менѣе грубой крѣпости и цѣльности царскаго абсолютистскаго самосознанія, которая явственно и опредѣ-

ленно чувствуется у всѣхъ, въ томъ числѣ и у «тишайшаго» Алексѣя Михайловича. Вспомнимъ, что этотъ послѣдній въ рѣдкихъ припадкахъ гнѣва напоминалъ своего батюшку — Грознаго; недаромъ же одинъ изъ свирѣпѣйшихъ царей въ мірѣ—Петръ I-й былъ сыномъ тишайшаго царя.

Каждый, кто всмотрится въ фигуру Николая 2-го и вслушается въ явственные психологическіе признаки этой фигуры, почувствуетъ, что въ рукахъ и въ волѣ Николая 2-го никогда ни на одно мгновеніе не было подлинныхъ рычаговъ правленія и власти. Наличіе власти и волевого царскаго проявленія сказывается совершенно опредѣленными чертами личности, ясными для всѣхъ. Что воля Павла, Николая 1-го, Александра 1-го, Александра, 2-го и, наконецъ, 3-го пронизывала внѣшній порядокъ русской дѣйствительности, что въ ихъ рукахъ концентрировалась нѣкая власть деспотіи,—это было конкретной реальностью. Мы чувствуемъ, понимаемъ и можемъ формулировать оттѣнки и различіе властвованія и деспотическаго, самодержавнаго самочувствія всѣхъ этихъ царствовавшихъ на Руси людей. Но что касается Николая 2-го, то невозможно опредѣлить характеръ его абсолютистскаго самочувствія и характерные признаки его «воли къ власти», ибо таковыхъ не было.

«Воли къ власти» у Николая 2-го не было, и не потому ли роковымъ образомъ все его царствованіе было непрерывнымъ и неуклоннымъ паденіемъ въ бездну, самоуничтоженіемъ, чѣмъ-то таившимъ въ себѣ начало разложенія, смерти?

Мы не хотимъ, само собою разумѣется, сказать, что русская революція свершилась не столько положительнымъ путемъ народнаго дѣйствованія, сколько отрицательнымъ путемъ г н і е н і я самого самодержавія. Но ни для кого не тайна и всѣми признано, что правленіе Николая 2-го привело къ тому, что, по выраженію одного изъ современныхъ публицистовъ, система русскаго бюрократическаго правительства сама, какъ подгнившій плодъ, свалилась съ древа жизни и разбилась въ грязь и прахъ.

Хочется отмѣтить еще одну характернѣйшую черту свергнутаго царя въ отличіе отъ его предковъ: у каждаго изъ нихъ была та или иная явственная черта личнаго склада, личнаго начала. Въ самыхъ слабыхъ и немощныхъ изъ деспотовъ Руси, какъ Павелъ или Алексѣй, опредѣленно чувствуется наличіе характернаго личнаго начала. Въ глубинѣ каждаго изъ нихъ было какое-то ядро личной цѣльности: они что-то собой представляли, въ зависимости отъ чего направлялась ихъ узкая, деспотическая и маленькая воля.

Въ Николаѣ 2-мъ нѣтъ личнаго начала. Онъ правилъ страной сравнительно очень долго, и въ его царствованіе страна пережила много бурныхъ и страдныхъ дней. Невозможно было не проявить того или иного личнаго начала, тѣхъ или иныхъ заложенныхъ въ глубинѣ натуры и внутренняго склада чертъ и особенностей. Воля, темпераментъ, уклонъ въ ту или иную сторону долженъ былъ проявиться.

Но ни одинъ изъ царей не представлялъ собой въ такой степени «tabula rasa», какъ Николай 2-й. Онъ былъ безличенъ и внутренно пустъ, какъ какой-то сказочный манекенъ, описанный Гофманомъ. Его декларацiи и резолюцiи отдавали деревяннымъ звукомъ, какъ нѣчто внушенное и механически, равнодушно повторенное. Двадцать три года мы имѣли на тронѣ пассивнаго и грустнаго манекена, находившаго, повидимому, единственныя блѣдныя отрады въ подробностяхъ мелко-интимнаго быта, какъ общеніе съ проходимцами-старцами и какія-нибудь бытовыя будничныя привычки и пристрастія.

Его темпераментъ, умъ и воля не проявились ни въ чемъ. И, сравнивая отношеніе, напримѣръ, къ Александру 3-му съ отношеніемъ къ Николаю 2-му, усматриваешь, что къ послѣднему какъ-то не подымается такая непосредственная личная волна раздраженія и отвращенія, какъ къ Александру 3-му. Въ Александрѣ 3-мъ мы чувствуемъ личную тупую, злую и ярую волю душителя, деспота, палача и поработителя народнаго духа... Недаромъ Трубецкой изобразилъ его такимъ расплывшимся, чернымъ,

хамнымъ, попирающимъ все своей рабовладѣльческой пятой. Николая 2-го художникъ долженъ былъ бы изобразить какимъ-то блѣднымъ призракомъ деспотіи, манекеномъ самодержавія, лишеннымъ крови, хотѣній, упорства, пристрастій, надѣленнымъ лишь одной чертой: слѣпой бездушной вѣрностью заложеннымъ въ немъ отъ отца и Побѣдоносцева началамъ самодержавія и полнаго презрѣнія къ народу.

Въ нашей литературѣ нѣтъ попытокъ реальнаго изображенія бытового и внутренне-психологическаго изображенія самочувствія обитателей дворцовъ, носителей слѣпой, кошмарной власти надъ милліонами человѣческихъ сознаній. У величайшаго изъ нашихъ повѣствователей—Толстого — Александръ 1-й изображенъ въ годину народнаго бѣдствія и величайшаго народнаго подъема, и обликъ царя сопровожденъ какимъ-то нереальнымъ нимбомъ особаго, полублаговѣйнаго и восторженнаго отношенія къ царю. Да въ ту эпоху, пожалуй, и трудно было для художника усмотрѣть психологическій моментъ такого царскаго самочувствія, въ которомъ настроеніе самодержавца противоставлялось бы сдавленному, угрожающему, глухо ропщущему народу.

Правда, декабрьскіе дни показали русскому самодержцу, что тронъ можетъ колебаться въ зависимости отъ пробуждающагося самосознанія русской души и что за стѣнами дворца недавній властитель можетъ очень и очень противостать себя—человѣка—милліонамъ отдѣльныхъ человѣческихъ сознаній, смотрящихъ на деспота прямо, глазами въ глаза, какъ воля на волю и человѣкъ на человѣка. Но въ эпоху отечественной войны гипнозъ властительства былъ наиболѣе силенъ и всѣ завѣты добраго стараго вольтеріанства, эпохи энциклопедизма, революціи были временно забыты.

Мы не имѣемъ документовъ, въ которыхъ было бы реально и жизненно показано, какъ члены царской фамиліи и самъ—воплотитель идеи насильственной власти—тревожно прислушиваются къ тому, что дѣлается за стѣною дворца, на чуждой и страшной

имъ улицѣ, гдѣ проплываетъ живая волна человѣческаго дѣйствованія, всегда враждебнаго, всегда противопоставляемаго всѣмъ дѣйствіямъ ,желаніямъ и утвержденіямъ во дворцѣ.

Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, документовъ, бросающихъ свѣтъ на это жуткое явленіе нашей изуродованной жизни, на это странное, кошмарное противопоставленіе маленькой кучки людей, облеченныхъ призракомъ власти, правомъ жизни и смерти людей,—всѣмъ остальнымъ милліонамъ людей, то временно засыпающимъ въ кошмарѣ и бредѣ пассивной подчиненности, то просыпающихся въ громѣ и бурѣ, когда летятъ троны, разрушаются дворцы и льется кровь.

А между тѣмъ именно будничное простое описаніе этихъ психологическихъ моментовъ многое объяснило въ укладѣ и личномъ строѣ этихъ поставленныхъ въ ненормальное и противоестественное положеніе людей.

Для психологіи каждаго изъ царившихъ опредѣляющее значеніе имѣло все то, что въ этомъ отношеніи пережито его предшественникомъ и чему онъ въ дѣтствѣ и юности былъ свидѣтелемъ. Смерть Павла и декабрьскіе дни вздернули на дыбы крутую солдатскую волю Николая, и въ этомъ напряженномъ, «вздернутомъ» самочувствіи самодержца-поработителя онъ былъ до послѣднихъ своихъ дней, когда война, роковая для всѣхъ русскихъ деспотовъ, сокрушила его жизнь и его тронъ.

Александръ 3-й вліяніемъ мартовскихъ событій и пролитой крови своего отца прожилъ всю свою жизнь и на этой крови построилъ крѣпь своихъ абсолютистскихъ принциповъ и казарменнаго режима. Могучая реакціонная воля и теоретика Побѣдоносцева пришли ему на помощь. Эти два слесаря реакціи крѣпко завинтили ея гайки. Гомункулусомъ этого міросозерцанія, этихъ принциповъ явился Николай 2-й.

Онъ слѣпо и механически усвоилъ это послѣдовательно развитое, до конца проведенное міросозерца-

ніе, по которому дворецъ царя и деревня, гдѣ обитаетъ мужикъ, и городъ, гдѣ живутъ безправные рабы-обыватели,—въ вѣчной враждѣ поработителя и порабощеннаго. Сдавленная на горлѣ Россіи узда не должна была разжиматься ни на секунду. Пусть задыхается все живое, пусть нищаетъ, опивается, разоряется мужикъ, дичаетъ, теряетъ образъ человѣческій. Пусть жизнь страны превращается въ болото мѣщанства и обывательщины, гдѣ царствуетъ приставъ и бдитъ охранникъ. А главное — пусть свято охраняются принципы слѣпой стѣны между поработителемъ и порабощеннымъ. Съ одной стороны—насильникъ и его организованная сплоченная, пронизывающая страну охранная сѣть, съ другой—народъ.

Выбора нѣтъ, перемирія быть не можетъ. Компромиссы опасны и сметаютъ троны. Примѣръ Александра 2-го разъ на всегда отвратилъ отъ нихъ. Народъ—лютый врагъ и долженъ быть всегда на положеніи побѣжденнаго раба. Иначе—горе властителю. Уроки политической мудрости Побѣдоносцева въѣлись въ Николая 2-го съ опредѣляющей послѣдней силой. Онъ механически слѣдовалъ имъ, уже не разсуждая, опираясь на инерцію механически усвоенныхъ принциповъ.

И въ 1894 году, послѣ смерти «царя-миротворца», душителя и палача Россіи, въ желѣзныхъ рукахъ державшаго узду, накинутую на горло страны, вступилъ на престолъ болѣзненный, тихій и безвольный Николай, первые же дни коронованія котораго омрачены были кровью и трупами Ходынки, символизировавшими всю смуту, все роковое безначаліе его царствованія и ту бездну, которую онъ вырылъ подъ собой и подъ идеей царизма.

III.

Алкоголическія пристрастія Александра 3-го и вся сумма наслѣдственныхъ вліяній отразились на Николаѣ 2-мъ чрезвычайно выразительно. О слабо-

сти воли и умственной дѣятельности свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что вся государственная дѣятельность Николая 2-го, какъ направителя русской внѣшней и внутренней политики, проходитъ гдѣ-то за кулисами дворцовой жизни, руководимая кругомъ направляющихъ его лицъ. Въ этомъ отношеніи Николай 2-й также представляетъ собой нѣкотораго рода уникумъ среди его предшественниковъ. Ни въ чье царствованіе не было такого безконтрольнаго властвованія вліятельныхъ политическихъ группъ и такого воздѣйствія отдѣльныхъ кружковъ, салоновъ и реакціонныхъ комплотовъ. Среди разнородныхъ теченій и группъ, разыгрывавшихъ вокругъ Николая однотонную въ общемъ варіацію болѣе или менѣе реакціонныхъ мотивовъ, самъ онъ игралъ роль какого-то блѣднаго монархическаго принципа во плоти и крови, автомата самодержавія.

Плохая наслѣдственность должна была осложниться суммою новыхъ разрушительныхъ вліяній, среди которыхъ жизнь во дворцѣ и спецефическая подготовка русскаго царя-самодержца также держала болѣзненнаго юношу въ нездоровой и напряженной атмосферѣ.

Трудно сказать что-либо о сознаніи какой-либо отвѣтственности и привнесеніи личнаго начала въ это ощущеніе абсолютистскихъ полномочій и связанныхъ съ ними задачъ и необходимостей. Когда мы читаемъ приказы, рѣчи и казарменныя прокламаціи Вильгельма, отдающія тяжелымъ и вульгарнымъ духомъ самовлюбленной армейщины стараго закала,—мы видимъ отпечатокъ личныхъ увлеченій и симпатій. На протяженіи же всего царствованія Николая—всѣ его рѣчи и возвѣщенія отдаютъ деревянной автоматичностью повтореній усвоенныхъ и разъ навсегда затвержденныхъ формулъ самодержавія и абсолютизма.

Есть какая-то маніакальная слѣпая сила въ этомъ автоматическомъ тонѣ Николая 2-го, говорящая явственно о томъ, что Россія въ продолженіе двадцати лѣтъ слишкомъ имѣла дѣло съ человѣкомъ совершенной, атрофированной умственной и душевной впечатлительности. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ то, что

несмотря на неслыханной силы потрясенія и перевороты, которые пережила Россія, вынуждаемый къ тѣмъ или инымъ уступкамъ духу времени, этотъ автоматъ самодержавія повторяетъ несмотря на все тутъ же затверженный казенный мотивъ абсолютизма, не привнося отъ себя никакой, въ данномъ случаѣ, казалось бы, неизбѣжной, личной мотивировки, личнаго утвержденія, вызваннаго борьбой, упорствомъ его воли и желаніемъ сдѣлать крѣпкое рѣшительное утвержденіе.

И до самаго конца его жизненной трагедіи онъ сохранилъ этотъ отпечатокъ автоматизма, безкрасочности, безличія и жизненной подавленности и вялости.

Вокругъ него могли разыгрываться мірового значенія событія и жизнь могла осложняться неслыханной широты и глубины проблемами. Жизнь самого Николая 2-го—блѣдна и поражаетъ болѣзненной инертностью, отвкусомъ какого- то живого трупа, который событія, какъ щепку въ порогахъ, били, трепали, волочили, вздымали, пока не выбросили вонъ изъ жизненнаго теченія.

Онъ родился 6-го мая 1868 года. Дышалъ тяжкимъ воздухомъ дворца-казармы, насыщеннымъ деспотической и грубой волей своего отца. Его воспитаніе не было озарено ни однимъ лучемъ свѣжей и здоровой жизненности, какую долженъ былъ внести, какъ поэтъ, Жуковскій въ воспитаніе Александра 2-го. Воспитывался Николай 2-й подъ личнымъ руководствомъ своего батюшки, и это одно уже опредѣленно говоритъ о характерѣ воспитанія и о томъ систематическомъ тренированіи будущаго самодержавца, при которомъ зачатки дѣтской впечатлительности и вниманія къ живому, должны были вытравляться.

Янышевъ преподавалъ ему каноническое право, Бунге—политическую экономію, Замысловскій—политическую исторію, Драгомировъ—боевую подготовку войскъ. И, наконецъ, самъ вѣщій духъ русской политической реакціи двухъ царствованій — Побѣдоносцевъ—государственное право.

Несомнѣнной силою педагогическаго воздѣйствія и даже моральнаго внушенія долженъ былъ обладать

Побѣдоносцевъ, этотъ человѣкъ громадной практической воли и незаурядныхъ умственныхъ дарованій. Но основная фальшь, въ корнѣ всѣхъ жизненныхъ отношеній русскаго сановника, проводившаго идеи желѣзнаго порабощенія массъ и насилія надъ совѣстью, вѣрой и волей человѣческими, съ одной стороны, и съ другой—исповѣдовавшаго какой-то тепленькій мистицизмъ,—должны были отразиться на Николаѣ 2-мъ именно такъ, какъ это мы увидѣли.

То-есть изъ рукъ такихъ воспитателей, какъ его отецъ Александръ 3-й, какъ Побѣдоносцевъ—долженъ былъ выйти человѣкъ—гомункулюсъ, автоматъ, обездушенный, автоматически дѣйствующій, не воспринимающій ничего лично ни въ душу, ни умственно, проходящій по жизни, какъ блѣдная тѣнь механическаго самодержавія, оставляя позади себя все тотъ же неизбѣжный слѣдъ крови всѣхъ задушенныхъ, затравленныхъ, замученныхъ режимомъ насилія и рабства.

Въ чемъ выразилась хоть тѣнь личныхъ пристрастій?... Состоя въ рядахъ артиллерійскихъ войскъ (единственно, что выражаетъ оттѣнокъ личнаго вкуса), Николай получилъ нѣкоторое пристрастіе къ дореформенной казармѣ, къ тону и духу старой солдатчины, къ маршировкѣ, къ выправкѣ, къ костюму, ко всей декораціи, несложной и своеобразной, русской отжившей солдатчины. Недаромъ еще сравнительно недавно мы «любовались» снимками фотографическими, изображающими бывшаго царя въ походной формѣ русскаго пѣхотинца и читали о томъ, что однимъ изъ средствъ развлеченія и, повидимому, даже отвлеченія и разсѣянія для бывшаго царя служитъ маршировка въ этой формѣ. Забава, также рисующая странное направленіе болѣзненной и примитивной воли, формы проявленія которой упрощаются и сводятся почти къ элементарнымъ движеніямъ.

При отсутствіи какой-либо даровитости въ одной изъ областей искусствъ или знаній, натренированный, поскольку это оказалось возможнымъ, въ смыслѣ образовательной подготовки, будущій русскій царь являлъ собой нѣчто безличное и блѣдное, проявлявшее себя

только въ области элементарныхъ жизненныхъ побужденій, какъ то показали его интимныя исторіи. Разрушенію нервному и умственному способствовало крушеніе поѣзда на ст. Борки.

Несчастія преслѣдовали этого фатальнаго царя и человѣка. Когда для довершенія его умственнаго и общественно-политическаго формированія отправили его путешествовать по Дальнему Востоку (1891 годъ), онъ получилъ ударъ саблей по головѣ отъ одного изъ полицейскихъ, японскаго фанатика, бывшаго въ числѣ почетной стражи—Санзо Цуза. Присутствовавшій тутъ же принцъ Георгъ греческій спасъ Николая 2-го отъ второго смертельнаго удара.

Не менѣе фатальнымъ событіемъ его жизни была подготавливавшаяся помолвка его съ принцессою Алисою Гессенской.

Некрасивая женщина, съ настойчивымъ и твердымъ характеромъ, заявившая о себѣ, что она подобна другой царственной нѣмкѣ—Екатеринѣ 2-й, Алиса была навязана Николаю 2-му послѣ его увлеченія пѣвицей Лабунской и въ разгаръ новаго увлеченія балериной Кшесинской.

Выказавшееся здѣсь слабое упорство влюбленнаго наслѣдника было сломлено могучей волей Александра 3-го, и въ русскую жизнь и политическую исторію вступила женщина, сыгравшая немалую роль въ томъ подготовительномъ процессѣ назрѣванія гнойника русскаго самодержавія, который вскрылся на нашихъ главахъ.

Николай возрасталъ и дышалъ подозрительнымъ спокойствіемъ той атмосферы 80 и 90-хъ годовъ, въ которыхъ «царь-миротворецъ» желѣзнымъ гнетомъ задавилъ всякое проявленіе свободной гражданственности и ума и духа вообще. Политика, религія, мысль, искусство—все носило отпечатокъ гнета, на все ложилась тяжкая мощь отупляющей бюрократической бездарности, регулирующей живую жизнь на Руси.

Николай видѣлъ передъ собой примѣръ «мудрой политики», при которой достигалась главная задача самодержца—неколебимость почвы подъ дворцомъ и

тромъ. Отдѣльные террористическіе акты, выступленія представителей партій, суды, висѣлицы, тюрьмы—все это довершало ансамбль царящаго абсолютизма, все подавившаго своей силой.

И изъ рукъ умиравшаго отца, онъ взялъ это наслѣдіе—инстинктъ абсолютизма, взялъ механически, слѣпо, какъ нѣчто корнемъ своимъ вошедшее въ его плоть и кровь.

Въ 1894 году умеръ Александръ 3-й и бразды самодержавнаго правленія надъ Россіей перешли въ руки Николая 2-го.

Его манифестъ возвѣщаетъ о намѣреніи придерживаться политики отца—«политики мира». Его коронованіе ознаменовывается колоссальнымъ народнымъ бѣдствіемъ, кровью тысячъ людей.

На Ходынкѣ, гдѣ происходило это торжество, вслѣдствіе скопленія тысячныхъ массъ народа, произошла давка. Неумѣлая распорядительность администраторовъ привела къ тому, что коронованіе показало какъ бы прообразъ всего царствованія Николая 2-го: кровь и муку задавленныхъ людей.

Тысяча сто тридцать восемь человѣкъ было задавлено, четыреста пятьдесятъ девять было ранено.

Такъ началось царствованіе Николая 2-го.

Впослѣдствіи это событіе подало поводъ популярному русскому поэту бросить крылатый стихотворный афоризмъ, начинающійся стихомъ:—«Кто началъ царствовать Ходынкой, тотъ кончитъ»... Конецъ стиха поэта не будемъ приводить вслѣдствіе того, что теперь герой нашего повѣствованія ждетъ рѣшенія своей участи въ зависимости отъ народной воли.

IV.

Инерція самодержавнаго сознанія сказалась въ Николаѣ 2-мъ довольно быстро и опредѣленно. Способъ къ тому представился.

Смерть яраго абсолютиста, въ царствованіе котораго на Руси ни надеждъ, ни просвѣта не было, Александра 3-го, внушила русскому обществу наде-

жды и желанія, которыя русскій царь въ своей знаменитой реляціи назвалъ—«безсмысленными».

Какая-то стѣна сѣраго, казарменнаго самодержавнаго строя отдѣлила русское общество отъ тѣхъ иллюзій и упованій свободной гражданственности и жизненности расцвѣта, которыя расцвѣли въ эпоху реформъ и оживленной самодѣятельности русскаго общественно-политическаго сознанія. Въ теченіе долгихъ лѣтъ тянулась унылая канитель суровой реакціи временъ Александра 3-го, въ теченіе котораго успѣла обезцвѣтиться общественная жизнь, понизиться жизненное самосознаніе, снова возвращающееся къ той жалкой подневольной обывательщинѣ, которая обозначаетъ полурабье жалкое существованіе. Молодыя поколѣнія, которыя поднялись во времена этой реакціонной эпохи, совершенно не дышали живительнымъ воздухомъ права и свободы и выростали въ атмосферѣ бюрократическаго подневольничества и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ прелестей рабьяго строя. Политическая молодежь загонялась въ подполье; широта культурнаго сознанія суживалась и вгонялась въ прокрустово ложе узко-политическихъ нетерпимыхъ сознаній. Взращивался искусственно антисемитизмъ, культивировались погромы, насаждалась провокація, спаивался мужикъ, тупѣлъ и варился въ соку сѣренькой подлой обывательщины горожанинъ. И подъ верхнимъ слоемъ густой тины таились въ тишинѣ силы протеста и жажды жизни, готовившія могучій волевой взрывъ.

Восшествіе на престолъ Николая 2-го вызвало надежды и ожиданія не въ силу того, что наслѣдникъ могъ обѣщать какія-либо перемѣны, не потому, что его знали какъ человѣка живыхъ возможностей, но просто потому, что истощалось терпѣніе, что слишкомъ сгустилась политическая реакція, что нечѣмъ было дышать и жить.

Извѣстное въ традиціяхъ русскаго общественно-политическаго движенія передовыми взглядами тверское земство на пріемѣ депутацій молодымъ царемъ въ 1895 году «удостоилось» получить отъ самодерж-

ца отповѣдь, звучащую—«лейтъ-мотивомъ» его механическаго самодержавнаго міросозерцанія:

«Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что я буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неприкосновенно, какъ и мой незабвенный родитель».

Все было заранѣе готово въ смыслѣ формъ, русла и содержанія политической жизни страны. На валикѣ граммофоннаго механическаго сознанія самодержца прочно отпечатались всѣ формулы казеннаго завѣщаннаго строя, сулившаго, казалось, порядокъ и покой. Это Александру 3-му приходилось послѣ эпохи реформъ и либеральныхъ начинаній круто поворачивать послѣ событій перваго марта колесо русской политической исторіи направо, подъ вдохновляющимъ и регулирующимъ вліяніемъ мрачнаго генія реакціи Побѣдоносцева. «Миротворецъ» и Побѣдоносцевъ вмѣстѣ создали новый режимъ своеобразной Александровской реакціи, давшей въ итогѣ особую политическую Россію, не солдатскую—Николаевскую, а Александровскую—бюрократическую. Николай 2-й получилъ въ наслѣдство все: и готовый образецъ системы самодержавія, и пущенную въ ходъ, опредѣленно регулируемую машину, въ которой департаментъ полиціи и охранное отдѣленіе играли такую центральную роль, поглощая въ неизмѣримое количество разъ больше народныхъ средствъ, чѣмъ потребности народнаго образованія. Даже приправленныя сахаромъ офиціальнаго славянофильства формулы самодержавія, «завѣщаннаго Богомъ монархомъ», были готовы, и надо было только повернуть валикъ механической піанолы, чтобы раздался знакомый россіянамъ мотивъ на тему о непоколебимомъ началѣ и пр.

Казалось, все пребывало въ полномъ порядкѣ и спокойствіи, подобномъ тому, который оставилъ покойный Александръ 3-й, тѣмъ болѣе, что этотъ при-

брачный мертвый покой охранялся такими злыми ночными птицами реакціи, какъ могущественный Побѣдоносцевъ и его приспѣшники. Москву охранялъ покойный Сергѣй Александровичъ совмѣстно съ лихимъ опричникомъ Треповымъ. А на посту министра внутреннихъ дѣлъ, являвшагося въ то время постомъ фактическаго правителя страны, устроили позднѣе памятнаго Россія фонъ-Плеве.

Внѣшне все дышало миромъ и тишиной, въ которой задыхалась страна отъ безправія и духоты полицейскаго режима. Установленіе союза съ Франціей и инціатива Гаагской конференціи мира — таковы послѣдніе два факта, въ которыхъ Россія режима Николая 2-го еще сохраняла внѣшній декорумъ самодержавнаго политическаго могущества.

Въ наши дни, послѣ страшныхъ потрясеній двухъ войнъ, эта конференція мира и инціатива Николая кажутся какимъ-то ироническимъ предвѣстіемъ грозной судьбы, на порогѣ страшныхъ потрясеній и испытаній улыбнувшейся мефистофельской улыбкой.

Между тѣмъ внутри страны политическая атмосфера все сгущалась, періодической правильностью разражаясь во вспышкахъ революціонной студенческой молодежи, по традиціи свято хранящей завѣты протестующаго движенія. Подпольныя партіи совершали свои незримыя работы, являющіяся отъ времени до времени на поверхности русской жизни, то актами терроризма, то послѣдствіями этой дѣятельности: политическими процессами, кончающимися нещадными ссылками, каторгой, разстрѣлами, висѣлицей и пр. Картина внутренняго быта страны, подъ покровомъ полицейской тишины, таившей слезы, кровь, насиліе и рабство, духовное и бытовое, была поистинѣ страшной. «Бытовымъ явленіемъ» для русской молодежи, имѣвшей немалое значеніе въ смыслѣ политическаго воспитанія, были картины этихъ частыхъ судовъ, арестовъ, обысковъ, высылокъ, заключеній и пр. Русская молодежь выростала и развивалась какъ бы подъ осѣнявшимъ ее покровомъ тюрьмы, охранки, насилія, палачества и гнета. Естественно, что та-

кое положеніе вещей не только не отпугивало и не отвращало отъ путей борьбы, но, наоборотъ, все молодое и душевно-бодрое и свѣжее съ непреодолимой силой гнало на путь этого служенія родинѣ. Внѣ этого служенія были или духовно-инертные и мертвые, культивировавшіе мелкія внѣшнія блага, или тѣ очень немногіе, въ которыхъ всего сильнѣе былъ голосъ личнаго внутренняго призванія.

Такимъ образомъ, режимъ подневолія и рабства какъ бы силой загонялъ русское молодое и передовое сознаніе въ подполья и кружковщины политическихъ интересовъ и борьбы.

Напряженная, горячая струя этихъ интересовъ, прорывающаяся въ подавленномъ общественномъ сознаніи, въ художественной литературѣ, въ общественно-философской мысли и въ чистой публицистикѣ, ждала только малѣйшаго прорыва, отдушины, чтобы прорваться съ тѣмъ большей силой. И моментъ наступилъ.

Первой брешью, какъ и надо было ожидать, оказались послѣдствія фатальныхъ для самодержавной Россіи войнъ.

Ни одна война со временъ Отечественной не проходила безслѣдно для русскаго политическаго воспитанія и для расшатыванія самодержавнаго устоя Россіи. Даже самая популярная изъ русскихъ войнъ — Отечественная—пронесла къ намъ какъ бы на концахъ русскихъ штыковъ новыя идеи свободолюбія и общественно-политическаго равенства и права. Декабрьскіе дни обязаны были своимъ возникновеніемъ войнѣ и политическому воспитанію русскаго офицерства, чье духовное зрѣніе окрылилось въ отчизнѣ Вольтера и Дидро, на родинѣ «Общественнаго договора» и энциклопедизма.

Вслѣдъ затѣмъ Крымская война подшатала желѣзные устои Николаевскаго режима и послѣ долгихъ лѣтъ мрачнѣйшей изъ реакцій пробила просвѣтъ изъ этой темницы на вольный свѣтъ.

Эти тараны судьбы, какими являлись войны, нанося удары черезъ большіе промежутки лѣтъ, по

твердынямъ абсолютизма и монархій, все больше и больше концентрировали силу своихъ ударовъ, дѣлая ихъ все болѣе мощными и ощутительными.

Ударъ Японской войны довелъ Россію до мощнаго революціоннаго подъема.

Начавшись, какъ и всякая война, съ официальной помпы инсценированныхъ патріотическихъ восторговъ, Японская война вызвала немало бесѣдъ въ русскихъ интеллигентскихъ и передовыхъ слояхъ на тему о странномъ отсутствіи въ русскомъ передовомъ сознаніи такъ-называемаго патріотизма.

Замѣчено было, что патріотическій восторгъ по поводу начатой войны и подъемъ національныхъ чувствъ имѣется на-лицо (и то въ нѣкоемъ подозрительномъ видѣ) только лишь у такъ-называемыхъ казенныхъ патріотовъ или «черныхъ» съ ихъ кличемъ— «шапками закидаемъ»...

Что же касается всего русскаго общества, то оно съ глубокимъ вниманіемъ слѣдило за этой начатой из-за авантюристскихъ происковъ сановныхъ лицъ непопулярной войной, не обнаруживая никакихъ преждевременныхъ восторговъ и взрывовъ національныхъ чувствъ. Общество ждало результатовъ. И дождалось. Неожиданный оборотъ, какой должна была принять война, начатая въ условіяхъ россійской бюрократической дезорганизованности, систематическихъ хищеній, распада, развала, неподготовленности и бездарности начальниковъ, технической бѣдности и безпомощности, отсутствія необходимыхъ снаряженій и пр. и пр.,—все это съ грозной внезапностью для вершителей русскихъ политическихъ судебъ обнажило прорѣхи и язвы русскаго политическаго быта.

Почувствовалось явственно глиняное, непрочное основаніе, на коемъ покоится этотъ тучный и объѣвшійся крови и пота народа идолъ самодержавнаго строя, который невольно закачался подъ ударомъ военныхъ неудачъ.

Второй годъ войны былъ годомъ какой-то безсознательной стихійной организаціи народныхъ силъ и протестующихъ сознаній. Повидимому, есть въ от-

мѣченныхъ перстомъ судьбы эпохахъ какія-то особенныя силы, которыя мы могли бы уподобить концентраціи въ общественной атмосферѣ этого долго сдерживаемаго духа протеста и страстнаго волевого напора, что долженъ былъ вырваться. И помимо того, что работа партійныхъ организацій обусловила стройное проявленіе народной революціонной воли, какой-то незримый стихійный кличъ—«по мѣстамъ», какое-то гипнотическое вліяніе самой эпохи вызвало согласное стихійное движеніе всего невольно сорганизованнаго народа.

Народъ выступилъ въ своей стихійной предназначенной ему роли.

Однимъ изъ первыхъ вѣстниковъ выступленія былъ прогремѣвшій выстрѣлъ изъ револьвера, которымъ Сазоновъ уложилъ всесильнаго временщика Плеве.

Выстрѣлъ этотъ отозвался по Россіи, какъ нѣкій кличъ о наступившемъ вѣщемъ моментѣ. Россія насторожилась.

Съ этого момента событія пошли быстрымъ ходомъ, и политическая жизнь Россіи ознаменовалась цѣлымъ рядомъ выступленій и демонстрацій, сопровождаемыхъ жестокими подавленіями этихъ протестовъ нагайками казаковъ и палашами драгунъ, выстрѣлами и избіеніями. Внушительнымъ фактомъ, прогремѣвшимъ по Руси, было убійство Каляевымъ Сергѣя Александровича на Кремлевской площади.

Уже возникала четкая и своеобразная логика революціонныхъ послѣдовательныхъ событій, неуклонно ведшихъ къ великой попыткѣ раскрѣпощенія страны.

Правительство Николая 2-го выжидало, реагируя на пробужденіе страны разстрѣлами и казацкими нагайками. Между тѣмъ партійная и стихійная народная организація шла своимъ порядкомъ. До того безвѣстный Гапонъ очутился во главѣ широкаго рабочаго движенія, кровью ознаменовавшаго памятный для Россіи день 9-го января.

Каменный ликъ самодержавнаго, дышащаго монархизмомъ Петрограда измѣнился, когда волны народа во главѣ со священникомъ съ крестомъ хлы-

нули къ Зимнему дворцу. Измѣнился торжественный и импозантный видъ площади и каменныхъ стройныхъ громадъ, гдѣ происходилъ парадъ императорскаго шествія, символизировавшій торжество владыкъ и трепетъ многомилліонныхъ рабовъ. Надо было все привести въ «надлежащій видъ». И начались массовые разстрѣлы, и трупы рабочихъ, ихъ женъ, дѣтей, случайныхъ прохожихъ устлали площади и улицы Петрограда.

Отвѣтъ былъ ясенъ каждому. Онъ ускорилъ подъемъ народныхъ силъ и вызвалъ тѣмъ сильнѣйшее напряженіе энергіи, направленное къ организаціи и спайкѣ народныхъ силъ и воли. Она, эта спайка, сказалась въ стройно проведенной забастовкѣ желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ.

Здѣсь уже исторія политическихъ событій какъ бы окончательно захлестываетъ блѣдный и мятущійся ликъ Николая 2-го, заслоняемый фигурами его клевретовъ и приспѣшниковъ и нигдѣ не являющійся въ той самодѣятельности и волевой активности, каковыхъ надо было ждать отъ упрямаго защитника монархическихъ устоевъ. Николай прячется за фигурами Столыпина, Дурново, Булыгина, Щегловитова, Горемыкина, Маклакова, Распутина, Протопопова... Онъ ныряетъ среди тяжкихъ валовъ политическаго моря и снова скрывается гдѣ-то за кулисами политическихъ событій, неся все-же на себѣ страшную тяжесть подлинной отвѣтственности за милліоны труповъ, за всѣхъ казнимыхъ, увѣчныхъ, насилуемыхъ и придавленныхъ деспотіей и режимомъ насилія.

Колоссальныя разыгравшіяся событія приводятъ слугъ монархіи въ тупикъ. Два враждебныхъ лагеря—народъ и правительство — взаимно на-сторожѣ. Каждый видитъ въ другомъ даже въ моменты перемирія и полнаго внѣшняго согласія заклятаго и страшнаго врага.

Рѣшившись выступить съ вынужденнымъ манифестомъ 17-го октября, Николай выходитъ не съ открытымъ сердцемъ и безъ малѣйшаго слѣда личной внутренней иниціативы. Подлиннаго открытаго лица

царя Россія не видитъ. Откуда-то изъ-за кулисъ правительства выступаетъ лозунгъ перемирія. Обнародывается манифестъ.

И въ этомъ манифестѣ сказался тотъ же механическій маніакальный характеръ русскаго самодержца, какъ всегда сохраняющаго свое мертвое безстрастіе, свое отсутствіе личной умственной и душевной впечатлительности, свои разъ навсегда принятыя абсолютистскія внушенія.

Но странѣ и народу хотѣлось принять обнародованіе «свободъ» иначе. Наступилъ кратковременный праздникъ, недолгое ликованіе, быстро замѣнившееся тревогой и ужасомъ погромовъ, убійствъ и злодѣяній.

То, что въ манифестѣ выступилъ мертвый ликъ самодержца, механически и безстрастно прочитавшаго внушенныя временемъ «уступки» народу, ясно показали быстро послѣдовавшія событія.

Полоса погромовъ, разразившихся въ Москвѣ, въ Одессѣ, Твери, Бѣлостокѣ и другихъ городахъ, организованныя черныя сотни, поджоги, разстрѣлы, убійства, насилія показали, каковъ истинный смыслъ расшифрованнаго манифеста Николая 2-го.

Насъ невольно поражаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ поразительной связи съ прослѣженными здѣсь характерными чертами психологіи Николая 2-го то обстоятельство, что среди такихъ потрясающихъ умъ и душу событій, которыя могли бы перестроить любую человѣческую психологію и дать грозныя и живыя внушенія человѣку со здоровой впечатлительностью, — Николай 2-й все время сохраняетъ какую-то мертвую автоматичность загипнотизированнаго субъекта, дѣйствующаго по принятымъ и слѣпымъ внушеніямъ и ни на одинъ моментъ не реагирующаго на событія по личной, собственной иниціативѣ.

Мы поняли бы иниціативу, свойственную суровому деспоту-самодержцу, чувствующему, что его тронъ колеблется, и не желающему позорно пасть съ высоты надменнаго владычества надъ милліоннымъ народомъ. Мы поняли бы отчаянную энергію деспота, вносящаго нѣчто отъ себя, нѣчто личное въ событія, а не являю-

щагося попеременно автоматомъ въ рукахъ, то однихъ, то другихъ лицъ.

Ликъ Николая 2-го намъ кажется все время мертвой маской, носимой человѣкомъ съ крайне подавленной жизненностью, почти лишеннымъ душевной и умственной впечатлительности. Маніакъ реакціи, автоматъ самодержавія, блѣдный и безкровный призракъ деспотіи—таковъ его ликъ, вездѣ являющійся не самочинно и не самолично, а всегда при посредствѣ, всегда стоящаго, подобно восточному идолу, неподвижно за волнующимися и дѣйствующими клевретами, отстаивающими принципы самовластительства. Онъ же кажется только лишь отвлеченнымъ призракомъ самодержавія, какой-то ходячей его формулой, осуществляемой опричниками и палачами.

И все происходитъ по строго опредѣленной программѣ, которой дивиться могли мы только лишь тогда, когда стояли въ центрѣ этихъ кровавыхъ событій.

Послѣ ареста совѣта рабочихъ депутатовъ въ Петроградѣ подготавливается вторая всероссійская забастовка, осуществленіе которой совпало съ такъ-называемымъ «декабрьскимъ возстаніемъ» въ Москвѣ. Мановеніемъ руки полусумасшедшаго адмирала Дубасова, фанатика крови и насилія, Москва была залита кровью и завалена трупами людей.

Провокація и убійство совершаютъ свой кровавый пиръ въ Москвѣ. Приспѣшники стараго режима купаются въ крови. Вслѣдъ за этимъ совершаются одна за другой такъ-называемыя «карательныя» экспедиціи», въ которыхъ прославились подвигами палачества и насилія Минъ, Риманъ, Ренненкампфъ, Меллеръ-Закомельскій и др.

Россія купается въ крови этихъ разстрѣловъ, карательныхъ экспедицій, пытокъ, убійствъ, насилій. И за всѣмъ этимъ—тотъ же мертвый ликъ низложеннаго «тишайшаго» царя, безвольнаго и въ то же время несокрушимаго въ силу мертвой автоматичности своей организаціи.

Естественно, природно чуждый новому порядку вещей и малѣйшему проявленію народнаго самочинія,

онъ являетъ собой воплощенный принципъ мертваго самодержавія, во имя котораго, какъ это показала дѣйствительность нашихъ дней, нѣтъ такихъ средствъ и путей предъ которыми можно было бы остановиться въ борьбѣ за оплотъ и укрѣпъ монархіи.

Начинается длительная, подобная агоніи, исторія первыхъ лѣтъ жизни русскаго конституціоннаго строя, во время которой совершаются попытки насильственности, причемъ инсценировка правленія такова, что Россія все-же остается непоколебленной монархіей.

Въ манифестѣ отъ 3-го іюня 1907 года сказано: «Отъ Господа Бога вручена намъ власть царская надъ народомъ нашимъ. Предъ престоломъ Его дадимъ мы отвѣтъ за судьбы державы россійской».

Недолго просуществовавшая 1-ая Государственная Дума распускается, закончивъ свои проявленія знаменитымъ Выборгскимъ воззваніемъ. Возникаетъ кабинетъ Столыпина и начинается эпоха неслыханнаго правительственнаго террора. Россія покрывается висѣлицами. Въ тюрьмахъ вѣшаютъ, истязаютъ, пытаютъ, забиваютъ до смерти. Политическіе арестованные сжигаютъ себя, перерѣзаютъ горло, живые уродуются, и превращаются въ больныхъ и калѣкъ.

Возникшая 2-ая Государственная Дума не долго существуетъ при режимѣ Столыпина. Правительство требуетъ устраненія изъ числа депутатовъ Думы всѣхъ соціалъ-демократовъ, причемъ 16 человѣкъ изъ нихъ арестовываетъ. Въ виду несогласія думы отстранить соціалъ-демократовъ декретомъ бывшаго царя 2-я Дума распускается.

— Дума не оправдала ожиданій нашихъ, — гордо заявляетъ Николай 2-й.

Расцвѣтшая въ это время исторія съ Азефомъ показала закулисныя стороны гнилого режима. Докладная записка бывшаго директора департамента полиціи Лопухина раскрыла тайныя пружины правительственныхъ дѣйствій, показавъ своего рода дантовскій адъ предательства, провокаціи, обмана, подкупа и низости.

Стоявшій настражѣ деспотіи Столыпинъ съ его

лозунгомъ, какъ бы говорившимъ, что онъ идетъ ва-банкъ.—«Не запугаете»,—убитъ выстрѣломъ Богрова. Менѣе стойкіе, находчивые и энергичные слуги реакціи замѣняютъ на посту покойнаго Столыпина. Реакція явственно вырождается.

У нея нѣтъ больше ни энергіи, ни способностей, ни мужества, ни иниціативы. Она призываетъ къ власти Щегловитова, Горемыкина, Маклакова, она варьируетъ имѣющіяся на-лицо реакціонныя силы, найдя въ концѣ-концовъ своего приспѣшника и клеврета въ лицѣ Протопопова.

V.

Здѣсь можно установить нѣкій поворотный моментъ, съ котораго начинается неуклонное паденіе стараго правительства,—моментъ, когда пробилъ послѣдній часъ династіи Романовыхъ. Въ какомъ-то безумномъ ослѣпленіи все дѣлалось для того, чтобы крайними мѣрами безпорядка, разрухи, измѣны, голода, продажности, хищенія и воровства вынудить русскій народъ къ тѣмъ проявленіямъ недовольства, которыя въ видѣ открытаго мятежа послужили бы, какъ ходили слухи, поводомъ къ сепаратному миру съ германцами, въ пользу которыхъ такъ усиленно работала нѣмецкая партія при русскомъ правительствѣ.

Недаромъ печатью и общественными дѣятелями не разъ высказывалась хотя и въ шутливомъ тонѣ увѣренность, что новый порядокъ обязанъ не только смѣлой иниціативѣ народа и арміи, но также и безумію старой власти, которая сдѣлала все, что только въ человѣческихъ силахъ для того, чтобы окончательно дискредитировать и смести въ прахъ старую правительственную власть.

Слухи объ измѣнѣ военнаго министра Сухомлинова давно носились по странѣ, не успокоенной казнью Мясоѣдова, пока не получили офиціальнаго подтвержденія назначеніемъ судебнаго слѣдствія надъ бывшимъ министромъ, который при старомъ режимѣ

благополучно проживалъ, не боясь ничего, въ своемъ контактѣ съ могущественной нѣмецкой партіей, представлявшей собой въ то же время и верховное русское правительство.

Усиленное и преступное разрушеніе тыла, дѣла народнаго продовольствія, транспорта; помѣхи, чинимыя потребностямъ военнаго снаряженія, полная дезорганизація тыла, ослабляющая фронтъ,—все это было дѣломъ старой верховной правительственной власти, могучаго защитника Вильгельма.

Не установлено точно, какую въ данномъ случаѣ игралъ роль Николай 2-й. Свидѣтельства современниковъ согласно показываютъ, что воля и разумѣніе бывшаго царя въ послѣдній годъ были почти совершенно подорваны систематическимъ спаиваніемъ, а также пассивной подчиненностью руководительству энергичной жены и ея приспѣшниковъ, работавшихъ въ пользу германскаго фронта.

Наконецъ, появленіе и все усиливающееся вліяніе пьянаго и распутнаго мужика, безграмотнаго, разгульнаго, грязнаго и продажнаго,—Распутина,—усилило и довершило ту картину безумія, хаоса и низости, которую представляло собой сверженное русское правительство. Свистопляска хищничества, воровства, подкуповъ, предательства, лакейничества, фарисейства и фальши достигла своего апогея. Цѣлый рядъ министровъ былъ назначенъ и правилъ Русью по волѣ и желанію распутнаго мужика. Униженіе страны было крайнее. Этотъ недолгій позоръ Россія съ честью смыла взрывомъ возмущенной народной совѣсти.

Туманъ слуховъ, сплетенъ, одинъ другого скандальнѣе, носился надъ страной. Что воля бывшаго царя была окончательно парализована пьянствомъ, болѣзнью и все разраставшейся внутренней пассивностью, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ пребывалъ спокоенъ и неподвиженъ даже тогда, когда скандальная хроника и грязь сдѣлали посмѣшищемъ страны и Европы весь дворъ и всю фамилію Романовыхъ. Въ концѣ-концовъ нарушилось единсніе членовъ фамиліи Романовыхъ, и отъ группы бывшаго

царя и бывшей царицы откололись великіе князья, объявившіе бойкотъ бывшей царицѣ, какъ главной зачинщицѣ происходящаго и покровительницѣ распутнаго мужика. При Николаѣ остался спаивавшій его генералъ-отъ-«куваксріи» Воейковъ и вѣчно пьяный адмиралъ Ниловъ. Но ничто, повидимому, не могло вывести Николая Романова изъ состоянія полной душевной и умственной прострацiи.

Къ коллекціи русскихъ государственныхъ уродовъ стараго режима прибавился самый совершенный въ этомъ смыслѣ типъ, добавившій собой лучшій алмазъ въ этой діадемѣ продажности, хищничества и предательства. Выдвинутый вліяніемъ Распутина, Протопоповъ сыгралъ какъ бы нѣкую провиденціальную роль въ совершившемся переворотѣ. Его безумная провокаціонная дѣятельность, его игра ва-банкъ, его послѣдній расчетъ на городовыхъ и пулеметы—знаменовали полное паденіе и истощеніе старой власти. У нея была отнята послѣдняя опора — сознательность, она впала въ безуміе, подчинилась безумному круговороту ведшихъ ее къ гибели событій. Все, что маломальски заключало въ себѣ инстинктъ живой жизни, должно было отпасть отъ нея. И дѣйствительно, — оказалось, что только та небольшая клика хищниковъ, которая вела послѣднюю игру на разрухѣ и государственномъ безпорядкѣ, строя расчеты въ итогѣ на батальонахъ Вильгельма, что только эта клика оказалась по необходимости вѣрна старой власти. Все живое въ странѣ отпало отъ нея, вѣрнѣе—возстало на нее.

И трагедія Романовской династіи завершилась такъ, какъ она должна была завершиться: тѣмъ позднымъ и страшнымъ моментомъ, когда небольшая кучка «властителей», «самодержцевъ», «помазанниковъ Божіихъ», опиравшихся на штыки, тюрьмы, висѣлицы и эшафоты,—осталась одна лицомъ къ лицу со всѣмъ народомъ, со всей страной, какъ съ непримиримымъ врагомъ.

Отъ Царскаго Села и царской ставки отхлынулъ весь многомилліонный народъ, стряхнувшій съ себя страшное безуміе гипнотической пассивности, подчи-

ненія старой проклятой правительственной машинѣ,— и танцовавшая свой танецъ на вулканѣ послѣдняя кучка «помазанниковъ» провалилась въ его жерло, изъ котораго повалилъ огонь народнаго возстанія.

Неизбѣжное случилось. Всякая власть, не опирающаяся на благодать убѣжденія, душевнаго согласія, внутренняго контакта, не можетъ не считаться проклятой и убійственной. И безумцы, пріемлющіе такую власть и удерживающіе ее силой топора и штыка, палача и провокатора, должны попасть въ ту бездну, которую они вырыли сами себѣ.

Что случилось дальше съ этимъ маленькимъ болѣзненнымъ человѣкомъ, злымъ насильникомъ, вѣчно усталое и блѣдное лицо котораго носило слѣды мертвеннаго равнодушія и безучастія ко всѣмъ интересамъ ума и духа человѣческаго, вся дѣятельность котораго въ качествѣ верховнаго принципа русской государственной жизни свелась къ насажденію внѣшняго и внутренняго насилія и зла,—покажетъ ближайшее будущее. Будетъ ли онъ сажать цвѣты въ Ливадіи или же получитъ пропускъ въ Англію, чтобы отдаться жизни своей семьи,—онъ останется, какъ бы воплощеннымъ свидѣтельствомъ того безумія, которое охватываетъ милліонныя человѣческія массы, выносящія въ теченіе долгихъ лѣтъ преступность своей пассивности и чужой власти. Для того, чтобы свергнуть Николая Романова, Россія десятками лѣтъ жертвовала своими лучшими сынами, посылая ихъ на эшафоты, въ тюрьмы, на висѣлицы, подъ разстрѣлы, уродуя и расходуя драгоцѣннѣйшую духовную энергію лучшихъ сыновъ, теряя невознаградимыя потери въ смыслѣ расцвѣта духовной культуры.

И медленно, шагъ за шагомъ расшатывался тронъ этими вздохами, пытками, удушеніями и казнями на Руси.

— «О, человѣческая кровь—ѣдкая жидкость, и ни одна капля ея не пропадетъ... Проклятіе узника воскресаетъ на улицѣ, въ кликахъ возставшаго народа, въ огнѣ горящихъ тюремъ, въ дрожи и трепетѣ жалко обезсилѣвшихъ тирановъ.

«Чьи-то скромныя нелегальныя руки трудолюбиво и неумѣло набирали прокламацію; потомъ эти руки исчезли,—въ каторжной тюрьмѣ или смерти,—и никто не знаетъ и не помнитъ о нихъ. А эти скромныя руки точили тронъ Романовыхъ.

«Кого-то вѣшали со всѣмъ торжествомъ подлаго правосудія ихъ: трещали барабаны. Жандармы задами лошадей управляли народомъ. И безмолствовалъ народъ. И онъ, одинокій въ саванѣ своемъ, какъ бы всѣми покинутый, мужественно и гордо отдавалъ смерти свою молодую и прекрасную жизнь. Одинокій, засунутый въ мракъ балахона, слышавшій только трескъ царскихъ барабановъ,—смущаемый безмолвіемъ народа,—зналъ ли онъ, что его смерть точитъ-точитъ тронъ Романовыхъ и будетъ точить, пока не рухнетъ онъ.

«И тотъ, кого казнили въ темнотѣ, тайкомъ, за тюремною оградой, или въ пожарномъ сараѣ Хамовнической части... И безвѣстные кронштадтскіе и свеаборгскіе матросы, которыхъ разстрѣливали десятками и въ мѣшкахъ бросали въ море... И прѣсненскіе рабочіе, которыхъ толпами прирѣзывали и разстрѣливали на льду Москвы-рѣки, въ мрачные декабрьскіе дни; рабочіе женщины и дѣти девятаго января, голутвинскіе телеграфисты и просто неизвѣстные, которыхъ на кладбищѣ и у стѣнъ походя разстрѣливали Риманъ и Минъ...

«О, сколько ихъ, сколько ихъ!.. Безвѣстныхъ могилъ, сколько труповъ, сколько страданій оставилъ позади себя Николай Романовъ»... (*Л. Андреевъ*).

* * *

Въ немъ царизмъ какъ бы истощилъ самъ себя и представилъ намъ образъ немощи, мертвенности, душевной и нравственной скудности и злобной автоматичности. Тотъ грузъ тяжкой отвѣтственности за всѣ человѣческія жизни и чинимыя насилія, который падаетъ на «вѣнценосцевъ» и самодержавныхъ угнетателей, совершенно не тяготилъ его совѣсть, ибо со-

вѣсти у него не было. Онъ равнодушно увеличивалъ списокъ жертвъ и равнодушно купался въ океанѣ крови.

Съ чѣмъ въ концѣ-концовъ Россія можетъ считаться въ немъ: съ волей, идейнымъ направленіемъ, какимъ-либо призваніемъ?... Насъ душилъ, угнеталъ и сковывалъ какой-то призракъ, во имя котораго дѣйствовала проклятая машина бюрократическаго насильническаго государства, топтавшая наши умы и души и подчинявшая великому Держимордѣ-Хапуну и палачу.

Онъ былъ—ничто, тѣнь, абстракція абсолютизма и варварства. И нынѣ Россія празднуетъ побѣду надъ этимъ зловѣщимъ призракомъ насилія и разгромленной полицейской и держиморднои Россіей.

Вмѣстѣ съ уходомъ Николая Романова уходятъ несмѣтные сонмы злобныхъ и тупыхъ силъ, которымъ дано было опредѣляющее и слишкомъ жизненно-значащее вліяніе. Уходитъ навсегда изъ русской жизни вмѣстѣ съ Романовымъ его alterego—Держиморда, уходитъ зубодробитель, уходитъ растлѣвающій нашу умственную и душевную жизнь Скотининъ-губернаторъ, министръ, урядникъ, градоначальникъ; полицеймейстеръ, приставъ.

Низводится въ ничтожество и,—слава Богу—обрекается на смерть опредѣленный складъ человѣческой психологіи,—складъ человѣка-бульдога, тупого, хищнаго и пригнетающаго духовную стихію. Конечно, представители такого склада могутъ быть въ томъ или иномъ количествѣ среди насъ, какъ и вездѣ. Но они уже не имѣютъ опредѣляющаго и регулирующаго значенія. За ними уже нѣтъ участковъ, городовыхъ, нагаекъ, розогъ, вымогательствъ власти. Они будутъ ютиться на грязныхъ задворкахъ русской жизни.

Они,—призванные быть по существу вьючными животными, были наверху нашей жизни и являлись ея регуляторами и направителями. Можно ли выше оцѣнить значеніе совершившагося переворота, указавъ на освобожденіе духа, ума и воли въ Россіи отъ этихъ подлинныхъ Калибановъ русскаго быта?

Пусть въ освобожденной Россіи борются и дѣйствуютъ какія угодно свободно развивающіяся и свободно конкурирующія интеллектуальныя и волевыя силы. Не мускулы и не одна лишь физическая сила штыковъ, а свободный творческій духъ—вотъ принципъ и основа подлинной свободной человѣческой жизни. Калибаны внѣшней грубой силы заграждали намъ уста и давили на малѣйшее проявленіе духовной жизни. Нынѣ передъ нами, какъ и передъ каждой свободной страной, неограниченныя возможности, представляемыя свободой творческаго духа.

И мы кончимъ тѣмъ, съ чего начали:—вѣстью дивной радости о томъ, что Россіи съ ея подлинносвоеобразнымъ складомъ національнаго духа дана свободная воможность тѣхъ высокихъ внутреннихъ достиженій, вершина которыхъ лежитъ, конечно, не въ однихъ лишь внѣшнихъ политическихъ, общественныхъ и соціальныхъ достиженіяхъ, какъ бы онѣ прекрасны и насущны ни были.

Политическія и соціальныя реформы и перестрои—это воздухъ и хлѣбъ, безъ которыхъ нельзя жить, нельзя свободно двигать руками и нельзя развивать плодотворно всю мощь свободной человѣческой энергіи. Но цѣли — безпредѣльнѣе и выше этихъ внѣшнихъ необходимостей и лежатъ въ области подлинно творящаго высшія цѣнности и входящаго къ высшимъ моральнымъ достиженіямъ человѣческаго духа.

И обо всемъ этомъ мы говоримъ въ полной и непремѣнной связи съ уходомъ на покой и государственное небытіе Николая Романова, кошмарное существованіе котораго на сверженномъ русскомъ тронѣ знаменовало рабство тѣла и рабство духа.

Нѣтъ палача, нѣтъ душителя!

Россія раскована для дѣйствій и свершеній.

Библіотека Революціи 1917 года.

1) Н. Аскольдовъ—**Правда о Николаѣ Романовѣ.** Ц. 40 к.
2) О. Сперанскій—**За кулисами Русскаго Двора** . . „ 40 к.
3) П. Ковалевскій—**Гришка Распутинъ** . . . . . „ 40 к.
4) Ал. Демидовъ—**Измѣнники Россіи.** . . . . . „ 40 к.
5) В. Каратыгинъ — **Про царя и про царицу и про честную вдовицу.** . . . . . „ 40 к.
6) **Мысли о монархіи и мысли о республикѣ.**
Л. Андреевъ, И. Буниинъ, К. Бальмонтъ, Гр. Ал. Н. Толстой, Анатолій Каменскій, И. Шмелевъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, К. Станиславскій и друг . . . . . „ 40 к.
7) **„Свободная Россія"**—литературно-худож. альманахъ съ участіемъ лучшихъ силъ литературы (содержаніе будетъ объявлено особо) „ 2 р. — к.

Выписывающіе на сумму не менѣе двухъ руб. за пересылку не платятъ.

Цѣна 25 коп.

[redacted]

Складъ изданія: Акц. О-во „Московское издательство"—Москва.
Б. Дмитровка д 26 тел. 27-96.